

О запрете на автономные системы оружия: права человека, автоматизация и дегуманизация принятия смертоносных решений

Питер Асаро

Профессор Асаро — специалист в области философии технологии, он занимается вопросами искусственного интеллекта, нейронных сетей, обработки естественного языка и изучения системы технического зрения робота. Профессор Асаро является приглашенным научным сотрудником в Центре изучения взаимодействия интернета и общества Стэнфордской школы права, сооснователем и вице-председателем Международного комитета по контролю за работизированным оружием и руководителем исследовательских программ Школы изучения средств массовой информации в Новой школе общественного взаимодействия и сотрудничества в Нью-Йорке.

Краткое содержание

В настоящей статье рассматриваются последние публикации, касающиеся установления международного запрета на автономные системы оружия. Некоторые ученые выражают обеспокоенность в связи с тем, что подобный запрет может быть проблематичным по самым различным причинам. В статье приводятся аргументы теоретического характера в пользу обоснованности такого запрета с опорой на права человека и гуманитарные

принципы, которые являются не только нравственными, но и правовыми. В частности, имплицитное требование суждения со стороны человека можно обнаружить в международном гуманитарном праве, регулирующем вооруженные конфликты. Действительно, это требование подразумевает принципами проведения различия, соразмерности и военной необходимости, которые сформулированы в международных договорах, таких как Женевские конвенции 1949 г., и прочно закреплены в международном обычном праве. Аналогичные принципы внутренне присущи международному праву прав человека, которое гарантирует определенные права всем людям независимо от их национальности или местного права. Я утверждаю, что такие права человека, как право на жизнь, должным образом осуществляемое судопроизводство и строго установленные условия, при которых они могут быть ограничены, означают наличие конкретной обязанности в отношении широкого диапазона автоматизированных и автономных технологий. В частности, существует обязанность отдельных лиц и государств в мирное время, а также комбатантов, военных организаций и государств в ситуациях вооруженного конфликта не передавать машине или автоматическому процессу полномочие или возможность применить силу смертельного действия независимо от того, как в каждом случае человек определил бы ее нравственную и правовую легитимность. Я считаю, что было бы полезно установить такую обязанность в качестве международной нормы и закрепить ее в договоре, прежде чем появятся разнообразные автоматические и автономные системы вооружений, которые, скорее всего, будут серьезной угрозой для основных прав людей.

Ключевые слова: роботы, беспилотные летательные аппараты, автономные системы оружия, принятие решений о применении силы смертельного действия, права человека, контроль над вооружениями.

: : : : : :

В сентябре 2009 г. Юргеном Альтманом, Ноэлем Шарки, Робом Спэрроу и мною был образован Международный комитет по контролю над роботизированным оружием (МККРО)¹. Вскоре после этого мы опубликовали заявление о наших целях и задачах, которое включало призыв к обсуждению установления международного запрета на автономные системы вооружений:

«Учитывая стремительные темпы развития военной робототехники и серьезные угрозы, которые она представляет для мира и международной безопасности и для гражданского населения во время войны, мы призываем международное сообщество безотлагательно начать дискуссию по вопросу о режиме контроля за вооружениями для того, чтобы снизить уровень опасности, связанной с применением этих систем. Мы предлагаем рассмотреть в ходе этой дискуссии следующие вопросы: запрещение разработки, размещения и применения автономных

1 См. www.icrac.net.

автоматизированных систем оружия; машины не должны принимать решения убивать людей»².

После этого данная проблема поднималась философами, правоведами, военными, политиками, учеными и робототехниками. Изначально обсуждение было сосредоточено на том, что существующие автономные системы оружия не в состоянии удовлетворить правовые требования международного гуманитарного права (МГП), и на предположениях и гипотезах относительно возможности того, что технологии будущего смогут выполнить эти требования. Особую обеспокоенность вызывал вопрос о том, смогут ли автономные системы соблюдать принципы проведения различия и соразмерности, что требуется Женевскими конвенциями, и возможно ли будет возложить на кого-либо ответственность за вред, который может быть противоправно причинен этими системами. После проведения первых обсуждений внимание стало переключаться на вопрос о том, не надо ли дополнить МГП международным договором, который бы явным образом запрещал эти технологии. И хотя подавляющее большинство людей и целый ряд ученых, юристов, военных и инженеров согласны с тем, что системы оружия смертельного действия не должны быть автономными, есть и те, кто считает, что международный запрет на автономные системы оружия может быть преждевременным, не являться необходимым и даже быть безнравственным³. Я думаю, что эта последняя позиция ошибочна и предлагаю действовать незамедлительно для запрещения этих систем. Я утверждаю, что у нас есть моральная и юридическая обязанность предотвратить передачу полномочий на применение силы смертельного действия неконтролируемым человеком системам и посвятить наши научные и технические исследования и ресурсы повышению уровня нравственности решений, принимаемых людьми. В поддержку этого аргумента настоящая статья предоставит теоретическое обоснование для международного запрета на автономные системы оружия, опираясь на международное право прав человека (МППЧ) и МГП. Кроме того, что права человека закреплены в положениях обширного свода международного и национального права и находятся под его защитой, они имеют и моральный статус независимо от существующего права и, таким образом, могут служить руководством для расширения права с целью решения вопросов, поднимаемых новыми разрабатываемыми технологиями. Я утверждаю, что международный запрет на автономные системы оружия может быть прочно установлен на основании

2 Jürgen Altmann, Peter Asaro, Noel Sharkey and Robert Sparrow, *Mission Statement of the International Committee for Robot Arms Control*, 2009, доступно по адресу: <http://icrac.net/statements/> (последнее посещение этой и всех остальных ссылок — июнь 2012 г.).

3 Ronald C. Arkin, *Governing Lethal Behavior in Autonomous Robots*, CRC Press, 2009; Gary Marchant, Braden Allenby, Ronald C. Arkin, Edward T. Barrett, Jason Borenstein, Lyn M. Gaudet, Orde F. Kittrie, Patrick Lin, George R. Lucas, Richard M. O'Meara and Jared Silberman, 'International governance of autonomous military robots', in *Columbia Science and Technology Law Review*, 30 December 2010, доступно по адресу: <http://ssrn.com/abstract=1778424>; Kenneth Anderson and Matthew C. Waxman, 'Law and ethics for robot soldiers', in *Policy Review*, 28 April 2012, доступно по адресу: <http://ssrn.com/abstract=2046375>.

принципа, в силу которого полномочие принимать решение о применении силы смертельного действия не может на законных основаниях передаваться автоматизированному процессу, но должно оставаться ответственностью человека, который обязан принимать продуманные и основанные на достоверной информации решения о том, чтобы отнять жизнь у людей.

Этот принцип имеет значение для самых различных отраслей права, включая национальные законодательства, МППЧ и МГП. Поскольку в настоящее время интерес к развитию автономных систем оружия обусловлен в основном их военным применением, я сосредоточу внимание на проблемах МГП. Однако тот же самый принцип применим к использованию автономных систем оружия государствами в действиях полиции в своих странах, для противодействия массовым беспорядкам, приграничного контроля, охраны заключенных, учреждений и территории или других действий, в ходе которых может применяться сила смертельного действия, а также к их использованию отдельными лицами или организациями для самых различных видов охранной деятельности, связанной с применением силы. Я также сосредоточу внимание на праве человека на жизнь, хотя аналогичные аргументы можно выдвинуть в отношении автоматизированных решений для ограничения прав человека или их отмены при осуществлении таких действий, как арест, содержание под стражей, ограничение передвижений, обыск, наблюдение и слежка, депортация, выселение и взыскание по закладной, отказ в медицинском обслуживании, праве на собрания, свободе прессы и свободе слова, праве участвовать в выборах и других гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах⁴.

Автономные системы оружия

Недавние вооруженные конфликты продемонстрировали все расширяющееся использование высокоавтоматизированных технологий, самым заметным из которых является применение вооруженных дистанционно управляемых беспилотных летальных аппаратов (далее — БПЛА) военными США (среди прочих) в целом ряде стран. Эти боевые летательные аппараты могут производить многочисленные сложные автоматические полетные действия, включая полностью автоматизированные взлет и приземление, определение точки маршрута по GPS и сохранение орбиты над определенным по GPS пунктом на заданной высоте, а также обладают возможностями автоматически получать и обрабатывать изображения (фото-снимки). И хотя эти системы высокоавтоматизированы, они не считаются автономными, потому что действуют все-таки под непосредственным

4 Права человека, признанные сейчас международным правом включают права (но не ограничиваются ими), закрепленные в Международном билле о правах человека Организации Объединенных Наций, который содержит Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

контролем человека⁵. Более того, несмотря на вооруженность средствами, которые обладают некоторыми автоматизированными возможностями, такими как ракеты с лазерным наведением и управляемые по GPS бомбы, эти системы все-таки зависят от непосредственного контроля со стороны человека при принятии решений о целенаправлении и производстве выстрела или взрыва. Основное внимание в данной статье уделяется правовым и этическим последствиям автоматизации этих решений об определении целей и производства выстрела или взрыва. Таким образом, мы можем определить «автономную систему оружия» как любую систему, которая может определить цель и применить силу потенциально смертельного действия без непосредственного участия человека и его контроля при принятии решения⁶. В соответствии с этим определением существующие в настоящее время дистанционно управляемые летательные аппараты, такие как беспилотники Predator и Reaper, не являются автономными системами оружия. Однако становится все понятнее, что те действия, которые сейчас остаются под контролем человека, могут стать автоматизированными в ближайшем будущем, что сделает возможным устранение непосредственного участия человека в определении целей и принятии решений о нанесении удара по цели с применением силы смертельного действия. Озабоченность вызывают не только дистанционно пилотируемые летательные аппараты, поскольку существуют многочисленные наземные, морские и подводные системы, которые могут включать оружие, а также стационарные боевые платформы, такие как орудийные башни и турели, и различные способы кибернетических атак, которые могут быть автоматизированы и способны наносить смертельный удар без непосредственного участия человека в процессе выбора целей или разрешения на применение силы смертельного действия против объекта нападения.

- 5 Термин «автономные» используется для обозначения систем, которые функционируют без непосредственного контроля и управления со стороны человека. Инженерно-технические работники используют также термин «автоматизированные» для проведения различия между неконтролируемыми системами и процессами, которые включают повторяющиеся структурированные рутинные операции без значительной информационной обратной связи (например, в посудомоечной машине), и роботизированными или автономными системами, которые функционируют в динамической, бесструктурной открытой среде, основываясь на информации, поступающей от самых различных датчиков (например, самоуправляемый автомобиль). Независимо от этих различий все такие системы следуют алгоритмическим инструкциям, которые почти полностью фиксированы и определены, если не считать их зависимости от непредсказуемой информации, полученной с датчиков и узко ограниченных вероятностных расчетов, которые иногда используются для обучения и исправления погрешностей.
- 6 Я использую термин «автономная система оружия», а не просто «автономное оружие» для того, чтобы указать, что система может включать самые различные элементы, которые тем не менее функционируют вместе, составляя автономную систему оружия. Например, компьютер, находящийся практически в любой точке мира может получать информацию от БПЛА, ведущего разведку, и использовать эту информацию для нанесения удара посредством управляемой системы оружия в другом пункте, — все это без вмешательства человека или контроля с его стороны, что и является автономной системой оружия. Иными словами, компоненты автономной системы оружия — датчики, автономный процесс определения объектов и целей для удара и принятия решений и оружие — не обязательно должны быть непосредственным образом соединены друг с другом или находиться в одном месте, но просто могут соединяться через канал связи.

Хотя существуют различные примеры оружия и практики военных, которые, по некоторым утверждениям, не требуют непосредственного участия человека при принятии решений о применении смертельной силы, эта новая волна технологических возможностей вызвала серьезную озабоченность и тревогу как среди членов сообщества юристов-международников, так и среди профессиональных военных в том, что касается нравственной и правовой легитимности таких систем. На конференции в Сан-Ремо (Италия) в сентябре 2011 г. бывший Президент Международного Комитета Красного Креста д-р Якоб Келленбергер сказал:

«Действительно автономная система должна обладать искусственным интеллектом, который будет в состоянии соблюдать МГП. И хотя наблюдается значительный интерес к финансированию исследований в этой области, такие системы пока еще не были использованы в качестве оружия. Их разработка представляет собой огромную проблему в области программирования, которая вполне может оказаться неразрешимой. Использование таких систем отразило бы сдвиг в парадигме и серьезное качественное изменение в ведении военных действий. Оно также поставило бы целый ряд фундаментальных правовых, этических и социологических вопросов, которые должны быть рассмотрены до того, как такие системы будут разработаны и использованы. Работа можно запрограммировать на более нравственное и гораздо более осторожное поведение на поле боя, чем человека. Но что, если технически невозможно надежным образом создать программу для того, чтобы гарантировать, что автономная система оружия будет функционировать в соответствии с МГП в условиях боя? <...> ...Применение существующих ранее правовых норм к новым технологиям ставит вопрос о том, достаточно ли четко сформулированы эти нормы в свете обусловленных определенной технологией — и, возможно, беспрецедентных — характеристик, а также в отношении предсказуемых последствий ее воздействия в гуманитарном плане. В определенных обстоятельствах государства захотят или уже захотели принять более конкретные, специфичные нормативы»⁷.

Как четко указывает Келленбергер, существует серьезная озабоченность относительно возможности автономных технологий соответствовать действующему МГП. В то время как многие профессиональные военные признают технологическое продвижение в направлении все большей автономии систем вооружения смертельного действия, большинство выражают сильную обеспокоенность в нравственном отношении; к ним относятся лица, определяющие политику в Министерстве обороны США:

7 Jakob Kellenberger, 'Keynote Address', International Humanitarian Law and New Weapon Technologies, 34th Round Table on Current Issues of International Humanitarian Law, San Remo, Italy, 8—10 September 2011, pp. 5—6, доступно по адресу: <http://www.ihl.org/ihl/Documents/JKBSan%20Remo%20Speech.pdf>.

«Ограничения на автономное оружие для обеспечения этических норм при ведении боя, являются весьма важными, но создание автономного оружия, которое будет безопасным, представляет собой более трудную задачу. Обстановка военного времени, в которой функционируют военные системы лишена упорядоченности и крайне сложна, и автономные системы должны быть в состоянии действовать должным образом в подобных обстоятельствах. Изменения в расположении противника, плохо работающие средства связи, риски, связанные с состоянием окружающей среды, нахождение гражданских лиц в зоне боевых действий, кибернетические атаки, неполадки и военные “трения” — все это приводит к тому, что автономные системы могут столкнуться с неожиданными ситуациями и сработать не так, как от них ожидалось. Поскольку у них нет широкого контекстуального интеллекта или здравого смысла, как у людей, даже относительно сложные алгоритмы подвержены сбоям в случае ситуаций, выходящих за пределы их предполагаемых конструктивных параметров. Сложность современных компьютеров усугубляет эту проблему, поскольку трудно предусмотреть все возможные компьютерные сбои или непредвиденное поведение, которое может быть продемонстрировано системой, когда она введена в действие»⁸.

Поскольку даже автономные системы с искусственным интеллектом должны быть предварительно запрограммированы и в лучшем случае у них будут лишь ограниченные возможности для обучения и адаптации, будет трудно или невозможно создать системы, способные разобраться в неясной обстановке и несогласованности действий во время войны. Если взглянуть на последствия этого для защиты гражданского населения во время вооруженного конфликта, возникнут несколько этических и правовых проблем, особенно в отношении соблюдения требований МГП — принципов проведения различия, соразмерности и военной необходимости, и трудностей с установлением ответственности за применение силы смертельного действия.

Автономные системы оружия поднимают множество этических и правовых проблем, в том числе проблемы асимметричной войны и перехода лиц из статуса комбатантов в гражданские лица, а также возможного понижения порога, при котором государства могут начать войну⁹. Поскольку такое оружие позволяет убрать комбатантов, которые его используют, из зоны конфликта и снизить опасность потерь для тех, кто им обладает, постольку же оно способно снизить политические издержки и риски при вступлении в войну. Это может привести к общему снижению порога для начала войны. Кроме того, автономные системы оружия потенциально могут стать причиной региональной или глобальной нестабильности

8 Paul Scharre, 'Why unmanned', in *Joint Force Quarterly*, Issue 61, 2nd Quarter, 2011, p. 92.

9 Peter Asaro, 'How just could a robot war be?', in Adam Briggle, Katinka Waelbers and Philip A. E. Brey (eds), *Current Issues in Computing And Philosophy*, IOS Press, Amsterdam, 2008, pp. 50—64, доступно по адресу: <http://peterasaro.org/writing/Asaro%20Just%20Robot%20War.pdf>.

и отсутствия безопасности, подстегнуть гонку вооружений, способствовать росту числа негосударственных акторов или эскалации конфликтов, которая не входила в политические планы людей. Системы, способные инициировать применение силы смертельного действия без контроля со стороны человека, могут сделать это, даже когда политическое и военное руководство не считало такие действия целесообразными, что приведет к непреднамеренному началу или эскалации конфликта без непосредственного контроля со стороны человека¹⁰. Таким образом, эти системы создают серьезную угрозу международной стабильности и способности международных органов к управлению конфликтом.

Если говорить о правовой приемлемости этих систем в соответствии с действующим МГП¹¹, то представляется, что основной вопрос заключается в том, смогут ли автономные системы соблюсти принципы проведения различия и соразмерности¹². С учетом сложности этих систем и нашей неспособности предвидеть, как они могут функционировать в сложной оперативной обстановке, непредвиденных обстоятельствах и неясных ситуациях, можно предположить еще одну трудность: как мы можем удостовериться в том, что вновь разработанные автономные системы оружия удовлетворяют требованиям МГП, как того требует статья 36 Дополнительного протокола I¹³, и — в более общем плане — как регулировать все ускоряющиеся технологические инновации в области вооружений и тактики?¹⁴

Кроме всего прочего, озабоченность вызывает тот факт, что, возможно, нельзя будет определить человека, который бы управлял подобными системами, то есть ни на кого нельзя будет возложить ответственность за действия автономной системы оружия в конкретной ситуации либо поведение системы может быть настолько непредсказуемым, что

10 По аналогии можно рассмотреть крах фондового рынка (Flash Crash) 6 мая 2010 г., во время которого системы высокочастотного трейдинга допустили падение индекса Доу Джонса на 1000 пунктов (9 %), самое сильное падение в истории. См. *Wikipedia*, 'Flash Crash', доступно по адресу: http://en.wikipedia.org/wiki/Flash_crash.

11 Noel Sharkey, 'Death strikes from the sky: the calculus of proportionality', in *IEEE Technology and Society Magazine*, Vol. 28, No. 1, 2009, pp. 16—19; Noel Sharkey, 'Saying "no!" to lethal autonomous targeting', in *Journal of Military Ethics*, Vol. 9, No. 4, 2010, pp. 369—383; Markus Wagner, 'Taking humans out of the loop: implications for international humanitarian law', in *Journal of Law Information and Science*, Vol. 21, 2011, доступно по адресу: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1874039; Matthew Bolton, Thomas Nash and Richard Moyes, 'Ban autonomous armed robots', *Article36.org*, 5 March 2012, доступно по адресу: <http://www.article36.org/statements/ban-autonomous-armed-robots>.

12 См., в частности, статьи 51 и 57 Дополнительного протокола I (ДП I) к Женевским конвенциям о защите гражданского населения и мерах предосторожности при нападении. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (вступил в силу 7 декабря 1978 г.) доступен по адресу: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm>.

13 Полный текст статьи 36 ДП I: «При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, средств или методов ведения войны Высокая Договаривающаяся Сторона должна определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещения, содержащиеся в настоящем Протоколе или в каких-либо других нормах международного права, применяемых к Высокой Договаривающейся Стороне.

14 Richard M. O'Meara, 'Contemporary governance architecture regarding robotics technologies: an assessment', in Patrick Lin, Keith Abney and George Bekey, *Robot Ethics*, MIT Press, Cambridge MA, 2011, pp. 159—168.

было бы несправедливо возлагать ответственность за то, что творит система, на оператора¹⁵. Таким образом, подобные системы могут уничтожить возможность установить персональную уголовную ответственность, которая требует учета морального фактора и определения *mens rea*¹⁶. В случае зверств или трагедии, вызванной действиями автономной системы оружия под контролем или командованием управляющего ею человека, они могут подорвать концепцию ответственности командования и обязанности контролировать действия подчиненных, ограждая, таким образом, командиров от того, что в любой другой ситуации может считаться обвинением в совершении военного преступления.

Мы сейчас переживаем такой момент, когда необходимо решить, как мы, международное сообщество, будем поступать в отношении таких систем. Будем ли мы относиться к ним как к развитию старых технологий или как к качественному переходу к новому типу технологий? Достаточно ли положений в действующих МГП и МППЧ для регулирования автономных технологий, обладающих силой смертельного действия, или нужно их немного расширить или кардинально пересмотреть? Является ли желательным запрет на автономные системы оружия или это уничтожит возможность для разработки вооружений, обладающих большим потенциалом для соблюдения нравственных и правовых норм?

Я считаю, что автономные системы оружия представляют собой качественное изменение в военной технологии именно потому, что они исключают оценку со стороны человека и его решение о применении силы смертельного действия. Поэтому они угрожают правам человека в отсутствие такой оценки и такого суждения. Существует достаточно причин для того, чтобы уточнить МГП и МППЧ, четким образом кодифицировав запрет на применение автономных систем оружия. Более того, эти причины прекрасно выдерживают всю критику, которая высказывалась до настоящего момента. К преимуществам такого уточнения и кодификации относятся:

- 1) устранение различных возможностей для сползания к распространению автономных систем оружия путем установления четких границ того, что можно автоматизировать и что нельзя;
- 2) формирование будущих инвестиций в развитие технологий, которые будут в состоянии способствовать более нравственному и законному ведению вооруженных конфликтов, поставив человека в центр внимания;
- 3) предотвращение более радикальной дестабилизации этических и правовых норм, регулирующих вооруженные конфликты, которую могут вызвать эти новые технологии;
- 4) установление правового принципа, в силу которого автоматизированные действия не отвечают нравственным требованиям должного рассмотрения ситуации, когда на карту поставлена человеческая жизнь.

15 Robert Sparrow, 'Killer robots', in *Journal of Applied Philosophy*, Vol. 24, No. 1, 2007, pp. 62—77.

16 M. Wagner, p. 5, см. примечание 11 выше.

Поэтому было бы желательным, чтобы международное сообщество предложило установить международный запрет на автономные системы оружия, основываясь на стремлении защитить нормы права прав человека, а также другие нормы, предоставляющие защиту человеку.

Процесс принятия решений о применении силы смертельного действия

Заявляя, что использование автономных систем оружия недопустимо с нравственной и правовой точек зрения, необходимо разъяснить, почему автономные системы вооружений не удовлетворяют необходимым и достаточным условиям, при которых допустимо убивать во время вооруженных конфликтов. Кроме того, необходимо уточнить понятие автономной системы оружия. К настоящему времени достаточно определить класс автономных систем оружия как любую автоматическую систему, которая может применить силу смертельного действия без конкретного, сознательного и обдуманного решения человека, будь то оператор, диспетчер или иное лицо, контролирующее систему.

Следует признать, что такие системы не являются чем-то беспрецедентным в том смысле, что существуют различные устройства, которые применялись в вооруженных конфликтах, в том числе мины и другие приводимые в действие жертвой ловушки, а также определенные управляемые ракеты и некоторые автоматические оборонительные системы. Действительно, в некотором смысле эти системы, о которых идет речь, сами по себе являются не «оружием», а скорее автоматизированными системами, снабженными оружием или управляющими им. Таким образом, они представляют вызов традиционному образу мышления в отношении оружия и контроля над вооружениями, которые сфокусированы на оружии как на инструменте или на его разрушающем воздействии. Автономные системы оружия скорее заставляют нас думать в понятиях «систем», которые могут охватывать огромное разнообразие конфигураций датчиков, обработки информации и размещения оружия, и сосредоточить внимание на процессе, посредством которого инициируется применение силы¹⁷.

У американских военных есть тенденция придерживаться модели «человек в системе управления» («human-in-the-loop»), когда речь идет о применении силы смертельного действия. Выражение «человек в системе управления» пришло из области проектирования, где учитывается человеческий фактор, и указывает на то, что человек — неотъемлемая часть системы. В случае применения силы смертельного действия важнейшей

17 В соответствии со статьей 36 ДПП I к Женевским конвенциям автономные системы оружия подлежат проверке на том основании, что относятся к новым видам оружия, средствам или методам ведения войны. Это означает, что использование существующего и разрешенного оружия новым способом, то есть с автоматизированной системой наведения на цели или автоматическим производством выстрела, само по себе подлежит проверке в качестве нового средства или метода.

системой является та, в которой содержится программа операции принятия решения, где и определяется необходимость применить такую силу. На языке военных эта программа операции называется «процессом проведения атаки», определенная в ВВС США как цикл, состоящий из шести шагов: обнаружение, захват (фиксация) цели, отслеживание, наведение на цель, открытие огня и оценка результата¹⁸. Недавно проходили дискуссии по вопросу о переходе к модели «человек в системе управления», в которой человек может контролировать одну или несколько систем, которые автоматизируют выполнение многих задач в этом цикле из шести шагов. Этот сдвиг, как представляется, создает среднее положение между непосредственным контролем, осуществляемым человеком в модели «человек в системе управления», и автономной системой оружия. Однако самое важное при определении того, является ли данная система автономной системой оружия или нет, заключается в том, автоматизирует ли она шаги наведения на цель и поражения цели без непосредственного контроля со стороны человека. Таким образом, мы можем обозначить класс систем, способных выбрать цели и инициировать применение потенциально смертельной силы без обдуманного и конкретного решения со стороны человека, как «автономные системы оружия».

В этом определении признается, что основополагающим этическим и правовым вопросом является установление причинно-следственной связи между автоматизированным процессом принятия решения и применением оружия или силы смертельного действия или же, напротив, отделение процесса принятия решения человеком от непосредственного контроля за применением силы смертельного действия автоматизированной системой. И именно передача ответственности за принятие решения от человека автономной системе, предназначенной для того, чтобы лишать людей жизни, составляет центральный нравственный и правовой вопрос.

Следует отметить, что включение человека в процесс решения о смертельной силе является необходимым, но недостаточным требованием. Легитимный процесс принятия решения об этом должен удовлетворять и требованиям, в силу которых человек, принимающий решение, проверяющий законность целей и инициирующий применение силы смертельного действия против них, должен иметь достаточно времени для обдумывания, обладать соответствующей подготовкой, быть хорошо информированным и готовым к тому, что на него будет возложена ответственность за принятое решение. Легко посадить плохо подготовленного человека перед экраном, по которому летят обозначенные цели, и потребовать от него проверить эти цели и нажать на кнопку, чтобы санкционировать их поражение с применением силы смертельного действия. Такой человек окажется не лучше, чем автомат, если ему придется принимать решения быстро, без размышлений

18 Julian C. Cheater, 'Accelerating the kill chain via future unmanned aircraft', Blue Horizons Paper, Center for Strategy and Technology, Air War College, April 2007, p. 5, доступно по адресу: http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/cst/bh_cheater.pdf.

и обдумывания или без доступа к соответствующей и достаточной информации, на основании которой можно принять правильное решение, или если он будет находиться в состоянии крайнего физического и эмоционального напряжения (стресса). При оценке правильности решения, принятого отдельным лицом, мы обычно принимаем во внимание такие факторы и вряд ли возложим на него ответственность за решения, принятые в таких обстоятельствах, и за любые последствия, которые им не планировались, хотя мы все же привлекаем его к ответственности. Поскольку эти факторы снижают уровень ответственности лиц, принимающих решения, разработка и использование систем, которые увеличивают возможность того, что процесс принятия решений будет вынужденно проходить в подобных обстоятельствах, сами по себе безответственны. Я заявляю, что при рассмотрении с точки зрения этики инжиниринга и технологической разработки преднамеренная разработка систем, у которых нет ответственных и подотчетных элементов, является сама по себе неэтичной, безответственной и аморальной. Когда придется устанавливать стандарты, в соответствии с которыми мы будем оценивать принятие решения о применении смертельной силы, мы не должны смешивать оценку лиц, действующих под психологическим давлением, с нашими идеальными представлениями о таких стандартах. Более того, тот факт, что мы можем снизить степень эффективности действий человека при принятии таких решений до уровня функционирования автономных систем, не означает, что мы должны понизить наши стандарты при оценке таких решений.

И хотя точные формулировки, определяющие автономные системы оружия в международном договоре, будут, конечно, приняты в процессе переговоров, главным в таком документе должно быть установление принципа, согласно которому жизнь человека нельзя отнимать без принятия продуманного и основанного на достаточной информации решения в отношении этой жизни в каждом конкретном случае применения силы и в соответствии с которым любая автоматизированная система, которая не может соблюдать этот принцип, отделяя человека от процессов принятия смертельных решений, была бы поэтому запрещена. Это предложение является новаторским в области контроля над вооружениями постольку, поскольку оно не направлено исключительно на конкретный вид оружия, но скорее на способ, которым принимается решение об использовании этого оружия. Принятые ранее договоры о контроле над вооружениями сосредоточивали внимание на конкретных видах оружия и их воздействии или на неизбежно неизбирательных характеристиках оружия. Запрет на автономные системы оружия должен вместо этого быть сфокусированным на передаче полномочия инициировать применение силы смертельного действия автоматизированным процессам, не находящимся под непосредственным контролем и управлением человека, принимающего решения.

Требование оценки со стороны человека для того, чтобы убийство считалось законным

Для того чтобы убийство человека во время вооруженного конфликта считалось законным, оно должно удовлетворять требованиям МГП. В частности, стороны в вооруженном конфликте обязаны применять принципы проведения различия и соразмерности. Велась широкая дискуссия относительно способности автономных систем соблюдать эти принципы. В самом амбициозном предложении высказывалась мысль о том, что, возможно, мы сумеем таким образом составить программу для автономных систем оружия, чтобы они соблюдали свод норм МГП, а также конкретные правила применения силы (ППС) и приказы командира, данные для выполнения определенной военной задачи¹⁹. Основываясь на традиции логического программирования с учетом ограничений, предлагается перевести МГП в правила программирования, которые строго определяют, какие действия запрещены в конкретной ситуации. Таким образом, гипотетический «этический управляющий элемент» может вступить в действие для предотвращения действия автономной системы оружия, которое он определяет как явным образом запрещенное в соответствии с МГП. Далее Аркин заявляет, что из-за того, что автономная система оружия способна решить принести себя в жертву в ситуациях, в которых мы не ожидаем такого от человека, эти системы позволяют избежать многих ошибок, допускаемых людьми, и могут поэтому лучше соблюдать нормы МГП, чем люди.

На первый взгляд это предложение кажется привлекательным, и даже Келленбергер признает его соблазнительность:

«При обсуждении этих новых технологий давайте взглянем на их возможные преимущества в деле содействия предоставлению большей защиты. Уважение принципов проведения различия и соразмерности означает, что должны быть приняты определенные меры предосторожности при нападении, предусматриваемые статьей 57 Дополнительного протокола I. Это касается обязанности нападающего принять все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, с тем чтобы избежать или в любом случае свести к минимуму побочные потери среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам. В некоторых случаях операции в киберпространстве или применение оружия с дистанционным управлением или роботов могли бы уменьшить случайные потери среди гражданского населения и нанести меньше ущерба гражданским объектам по сравнению с обычным оружием. На практике можно будет принять больше мер предосторожности просто потому, что это оружие используется с безопасного расстояния, часто в таких условиях, когда можно внимательно определить цель и выбрать подходящий момент для нападения, чтобы

19 R. C. Arkin, pp. 71—91, см. примечание 3 выше.

свести к минимуму ущерб, причиняемый гражданским лицам и объектам. Можно сказать, что в таких обстоятельствах это правило потребует от командира рассмотреть вопрос о том, не может ли он получить то же самое военное преимущество, использовав такие средства и методы ведения войны, если это практически возможно»²⁰.

Хотя, действительно, было бы очень желательно повысить уровень защиты гражданских лиц и гражданского имущества в будущих вооруженных конфликтах, мы должны с большой осторожностью относиться к тем предположениям и выводам, которые мы делаем из этого в отношении разрешения на использование автономных систем оружия. В этом кажущемся очень простым аргументе делается очень много допущений, которые могут ввести нас в заблуждение относительно цели и значения МГП.

Во время вооруженного конфликта конечной целью МГП является предоставить защиту тем, кто не принимает или более не принимает непосредственного участия в военных действиях, а также ограничить применение некоторых средств и методов войны. Соблазнительно предположить, что это можно объективно и просто измерить. Мы, возможно, захотим поверить в то, что принцип проведения различия подобен правилу распределения сортировки — что мир состоит из гражданских лиц и комбатантов и что существует правило, хотя и сложное, посредством которого каждый человек может с определенностью быть отнесен к той или иной категории²¹. Но все гораздо сложнее. Давайте возьмем в качестве примера трудность определения того, что означает выражение «гражданское лицо, участвующее в военных действиях». МККК изложил тщательно составленные основные принципы определения того, что составляет «акт непосредственного участия в военных действиях», в соответствии с которыми гражданскому лицу не предоставляется защита, обычно полагающаяся гражданским лицам по МГП²². Эти принципы содержат три требования, которые должны быть удовлетворены, для того чтобы прийти к выводу, что гражданское лицо является законной целью: 1) порог (уровень) вреда, 2) прямая причинная обусловленность и 3) связь с воюющим. Каждое из них раскрыто в Руководящих принципах МККК, но для наших целей достаточно их краткого изложения:

«Чтобы конкретное действие достигало *порога вреда*, требуемого для того, чтобы считаться непосредственным участием в военных действиях, оно должно отрицательно сказываться на военных операциях

20 J. Kellenberger, p. 6, см. примечание 7 выше.

21 Действительно, в литературе об автономном оружии наблюдается тенденция говорить об «избирательности», а не о принципе проведения различия, что подразумевает «задачу по установлению различий» в когнитивной психологии и искусственном интеллекте. См. Noel E. Sharkey, 'The Evitability of Autonomous Robot Warfare', in *International Review of the Red Cross*, Vol. 94, No. 886, 2012, pp. 787—799.

22 Nils Mezler, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities Under International Humanitarian Law*, ICRC, Geneva, 2009, p. 20, доступно по адресу: <http://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf>.

или военном потенциале стороны в вооруженном конфликте. В отсутствие военного вреда этот порог может быть достигнут и в том случае, когда действие, по всей вероятности, явится причиной смерти, ранения или уничтожения лиц или объектов, находящихся под защитой от нападения. В обоих случаях действия, достигающие требуемого порога вреда, могут достигать уровня непосредственного участия в военных действиях, если они дополнительно удовлетворяют требованиям прямой причинной обусловленности и связи с воюющим...

Требование *прямой причинной обусловленности* удовлетворено, если можно с достаточными основаниями полагать, что либо конкретное действие, либо конкретная скоординированная военная операция, неотъемлемой частью которой является это действие, непосредственным образом причинит вред, который достигает требуемого порога. Однако даже действия, отвечающие требованию прямой причинной обусловленности и достигающие требуемого порога вреда могут считаться непосредственным участием в военных действиях, только если они дополнительно удовлетворяют третьему требованию, а именно связи с воюющим...

Для того чтобы удовлетворять требованию *связи с воюющим*, действие должно быть специально направленным на то, чтобы достичь требуемого порога вреда, оказывая поддержку стороне в вооруженном конфликте в ущерб другой стороне. Как правило, причиненный вред (А) при личной самообороне или защите других от насилия, запрещенного в соответствии с МГП, (Б) в осуществление властных полномочий над лицами или территорией, (В) в результате общественных беспорядков, направленных против такой власти или (Г) во время насилия, в котором участвуют гражданские лица, не имеет связи с воюющей стороной, необходимой для того, чтобы быть квалифицированным в качестве непосредственного участия в военных действиях...

Примененные все вместе эти три требования — порога вреда, прямой причинной обусловленности и связи с воюющим — позволяют надежно провести различие между деятельностью, являющейся прямым участием в военных действиях, и деятельностью, которая, хотя и происходит в контексте вооруженного конфликта, не является частью ведения военных действий и поэтому не может быть причиной для утраты защиты от прямого нападения. Однако даже если какое-то действие можно приравнять к непосредственному участию в военных действиях, тип и степень применяемой ответной силы должны соответствовать нормам и принципам МГП и других применимых отраслей международного права²³.

Эти руководящие принципы представляют собой попытку сформулировать метод, посредством которого можно определить, кто является законной целью, а кто — нет. И все же они пока даже называются не нормами,

23 *Ibid.*, pp. 50—64.

а руководящими принципами, потому что помогают сохранить моральную оценку при проходе через многочисленные слои толкований и интерпретации. Для определения того, соответствует ли конкретное лицо при конкретных обстоятельствах каждому из этих требований, нужно тонкое понимание сложной ситуации, что включает: тактические и стратегические последствия потенциального вреда, а также статус других лиц, которым может грозить опасность; характер причинно-следственных структур и отношений и прямые последствия, вызванные чьими-либо действиями; социокультурную и психологическую ситуацию, в которой намерения и действия этого лица квалифицируются в качестве военных действий, а не как, например, осуществление официальных властных полномочий или действий в порядке личной самообороны. Что в реальности означают слова, что мы можем внести в программу компьютера нормы МГП? Является ли это просто вопросом перевода законов, написанных для того, чтобы руководить действиями человека, в программные коды с целью установления ограничений на действия машины? Не должен ли следующий дополнительный протокол к Женевским конвенциям быть вписан непосредственно в компьютерный код? А может быть, в МГП есть что-то, что не может быть запрограммировано? Соблазнительно принять технологический подход к этому вопросу и рассматривать решения и действия комбатанта как «черный ящик» и сравнить солдата с роботом, заявив, что тот из них, кто делает меньше ошибок в соответствии с МГП, является «более нравственным» солдатом. Этот аргумент также часто стратегически использовался в истории искусственного интеллекта.

Однако на самом деле здесь возникают два вопроса. Эмпирический вопрос заключается в том, может ли компьютер, машина или автоматизированный процесс принять каждое из этих решений о жизни и смерти и достичь некоторых результатов, которые считаются приемлемыми. Но нравственный вопрос состоит в другом: можно ли допустить, чтобы компьютер, машина или автоматизированный процесс вообще принимали решения, от которых зависят жизнь или смерть? Если мы в принципе не докажем, что машина не должна принимать таких решений, нам останется только гадать о том, смогут ли, — а если смогут, то когда, — какие-нибудь умные программисты придумать компьютерную систему, которая может это сделать, или, по крайней мере, когда мы позволим машинам принимать такие решения.

История искусственного интеллекта здесь очень поучительна, поскольку она говорит нам о том, что такие проблемы в общем являются трудноразрешимыми при помощи компьютеров, но если мы сумеем очень тщательно ограничить и упростить проблему, мы, возможно, добьемся большего успеха. Можно, однако, сравнить тип проблем, в разрешении которых искусственный интеллект работал успешно, например в шахматах, с проблемами, которые встречаются при выполнении требований МГП. Хотя требования МГП являются в некотором смысле «правилами», они совершенно не похожи на правила игры в шахматы в том смысле, что они

требуют интерпретативной оценки для того, чтобы применяться правильно в каждой отдельной ситуации. Более того, контекст, в котором правила применяются, характер и качество имеющейся информации, а также противоречивые толкования могут сильно изменяться изо дня в день, а то и в течение одного дня, даже в ходе одного и того же конфликта.

Можно оспаривать, что интеллект свойственен исключительно человеку, но если определить его достаточно конкретно или свести к конкретной задаче, тогда, пожалуй, и станет возможным создать программу для компьютера, которая справится с поставленной задачей лучше. В этом случае мы неизбежно изменяем понятие интеллекта, заново определяя сложное умение как выполнение конкретной задачи. Возможно, и не так важно давать новое определение интеллекту в свете развития компьютеризации, хотя, конечно, это имеет социальные и культурные последствия. Но когда мы обращаемся к нравственности и ценности человеческой жизни, действительно ли мы хотим пересмотреть и переоценить то, что является нравственным, для того чтобы предоставить место автономным системам оружия? Что поставлено на карту, если мы предоставим автоматизированным системам полномочия решать, убивать кого-то или нет? В отсутствие оценки и суждения со стороны человека как мы можем гарантировать, что такое убийство не будет произвольным?

Автоматизация норм МГП, скорее всего, подорвет роль, которую они играют в регулировании нравственного поведения человека. Кроме того, это объяснит, почему разработчики старались удерживать «человека в системе управления» для устранения неоднозначности и проведения моральной оценки. Сэр Брайан Барридж, командующий Военно-воздушными силами Великобритании в Ираке с 2003 по 2005 г., заявляет:

«В соответствии с правом вооруженных конфликтов остается в силе требование оценить соразмерность и в связи с этим ожидается, что человек, находящийся в конце цепочки, произведет последнюю оценку, рассмотрев ситуацию и вынеся рациональное суждение. Мы столкнулись с постмодернистскими конфликтами... с неоднозначным и нелинейным пространством, где ведутся боевые действия. Таким образом, мы не можем изъять человека, командира, аналитика, тех, кто пытается найти решение в неоднозначной обстановке, из этой системы. Дебаты о «человеке в системе управления» идут дальше этого»²⁴.

Сама природа МГП, которое было разработано для того, чтобы регулировать поведение людей и их организаций во время вооруженных конфликтов, предполагает, что комбатанты будут людьми. В этом смысле оно является антропоцентрическим. Несмотря на все усилия его авторов сделать его четким и точным, применение МГП требует многочисленных уровней интерпретации, чтобы быть эффективным в конкретной ситуации.

24 Brian Burridge, 'UAVs and the dawn of post-modern warfare: a perspective on recent operations', in *RUSI Journal*, Vol. 148, No. 5, October 2003, pp. 18—23.

МГП дополняет свои нормы эвристическими руководящими принципами, которым должны следовать люди, и явным образом требует, чтобы комбатанты сознательно рассматривали последствия своих действий и действовали сострадательно и в соответствии со здравым смыслом, обращаясь явным образом к их гуманности. Таким образом, оно не навязывает схемы конкретного расчета, но налагает на комбатантов обязанность обдуманно оценивать возможные людские потери и ущерб имуществу в результате их действий.

Правосудие не может быть автоматизированным

Право по своей сути является неполным и подлежит толкованию и пересмотру в будущем. Как бы тщательно и с какими бы добрыми намерениями ни были разработаны и продуманы право или правовая норма — правовая система не является и не может быть совершенной. Это динамично развивающаяся система и как таковая разработана для того, чтобы человеческие институты регулировали ее применение в мире людей. Есть целый ряд представителей человечества: судьи, прокуроры, защитники, свидетели, присяжные заседатели, — которые участвуют в сложных процессах толкования и вынесения суждений для того, чтобы правовая система продолжала действовать. Короче говоря, они активно занимаются оценкой того, как абстрактный набор норм и правил прилагается к каждой конкретной ситуации. Право на должным образом отправляемое правосудие по сути своей является правом на то, чтобы такой процесс, в ходе которого принимаются важные решения, был публичным.

Мы можем представить себе, как компьютерная программа заменит этих людей и автоматизирует их решения. Но, думаю я, это серьезно подорвет право на должным образом осуществляемый судебный процесс. По существу, это право является правом поставить под вопрос нормы и правильность их применения в данных обстоятельствах и обратиться к разумности и здравому смыслу человека, располагающего информацией, и к его чуткости. Делают ли иногда люди, занимающие такие посты, ошибки? Да, конечно, делают. Однако человеческая чуткость, разумность и здравый смысл превосходят любую воображимую систему жестко установленных правил или любую компьютерную систему. Более того, при рассмотрении аргументов в данном случае, возможности апелляции для отмены судебного решения и того, как мотивировка решений и прецеденты формируют толкование законов, мы должны признать, что вынесение судебных решений требует учета разных, несовместимых и даже противоречащих друг другу точек зрения и способности в результате этого проникнуть в суть дела. Не существует компьютерных или алгоритмических систем, которые могут это сделать, и вполне вероятно, что никогда не смогут.

Что еще важнее, так это то, что здравый смысл и разум человека являются составной частью системы правосудия. Иными словами, если

какая-либо система правосудия должна функционировать в отношении людей, тогда она должна опираться на человеческий интеллект и здравый смысл. Само правосудие не может быть передано автоматизированным процессам. Хотя автоматизация различных задач, связанных с административными и юридическими процедурами, способна повысить возможности или эффективность работы людей при вынесении решений, она не может отменить их обязанности рассмотреть свидетельские показания, взвесить альтернативные варианты толкования и сформировать обоснованную точку зрения. В большинстве своем усилия по автоматизации отправления правосудия на самом деле не продемонстрировали ее превосходства над работой человека, но сделали работу значительно хуже²⁵. Автоматизация этих важнейших аспектов здравого смысла человека в судебном процессе означала бы дегуманизацию правосудия, поэтому должна быть в принципе отвергнута.

Говоря, что автоматизация логического мышления человека в процессе отправления правосудия должна быть в принципе отвергнута, я имею в виду, что не существует автоматизированной системы, которая могла бы достичь такого уровня функционирования, что мы могли бы согласиться заменить ею человека. Коротко говоря, когда речь идет о системе правосудия, или о государстве, или о их представителях, выносящих определения, касающиеся прав человека каждого отдельного лица, эти представители и официальные лица государства должны сами быть людьми. Можно отстаивать этот принцип, опираясь как на нравственные ценности, так и на право, говоря, что он является основной, очень важной частью самой системы правосудия.

В военной среде существует много уровней переданных полномочий — от главнокомандующего до рядового, но на каждом уровне есть человек, который имеет полномочие на применение силы и несет ответственность за такое решение. Суть ответственности командования не допускает возможности отказаться от своих моральных и правовых обязанностей по определению того, что применение силы является правильным в конкретной ситуации. Можно передать эту обязанность другому ответственному человеку, но тогда первый должен будет проконтролировать поведение этого подчиненного лица. Поскольку автономные системы оружия не являются ответственными лицами, им нельзя передавать это полномочие.

В этом смысле принцип проведения различия может рассматриваться не просто как соблюдение правила, по которому комбатанты отделяются от гражданских лиц, но и как принятие во внимание жизни людей, которые могут погибнуть, если будет применена сила смертельного действия. И в этом отношении необходимо, чтобы человек принял обоснованное решение прежде, чем у кого-то отнимут жизнь. Это более очевидно при принятии решений, связанных с принципом соразмерности, когда надо взвесить ценность жизни людей, как гражданских лиц, так и комбатантов,

25 Danielle Keats Citron, 'Technological due process', in *Washington University Law Review*, Vol. 85, 2008, pp. 1249—1292.

и ценность военных объектов. Ни то, ни другое не имеет фиксированной ценности, и в некотором смысле эти ценности определяются теми нравственными установками, которые обуславливают принятие решений, связанных с принципом соразмерности.

Вот почему мы не можем заявлять, что автономные системы оружия будут морально превосходить солдата, на том основании, что они могут быть технологически способны допустить меньше ошибок при выполнении задачи на проведение различия или при определении средств нейтрализации военных целей, которые оптимально минимизируют опасность причинения несоразмерного ущерба. Нельзя сказать, что эти цели не являются желательными. Если бы существовали технологии, которые могли бы отличить гражданских лиц от комбатантов лучше, чем любой человек, или лучше, чем средний комбатант, тогда эти технологии следовало бы использовать таким образом, чтобы помочь комбатанту применить принцип проведения различия, а не для того, чтобы заменить здравый смысл человека. Аналогичным образом, если техника была бы в состоянии определить курс действий, которые могли бы выполнить военную задачу при минимальных побочных ущербе и минимизировать любой несоразмерный вред, тогда эта техника могла бы использоваться живым комбатантом, который обязан принять обоснованное решение об использовании силы смертельного действия в конкретной ситуации.

Любой автоматизированный процесс, как бы он ни был хорош и даже как бы заметно ни превосходил действия человека, должен подлежать контролю со стороны человека до того, как он на законных основаниях инициирует применение силы смертельного действия. Это, совершенно очевидно, является технологическим требованием в обозримом будущем, потому что автономные системы не достигнут уровня показателей деятельности человека еще в течение некоторого времени. Еще важнее то, что это требование морали и — во многих серьезных случаях — требование права. Поэтому я утверждаю, что в общем существует обязанность не допускать того, чтобы автономные системы инициировали применение силы смертельного действия без непосредственного контроля со стороны человека.

Есть направления в стратегии, в рамках которых утверждается, что автономные системы оружия могут предоставить более нравственные и превосходящие в правовом отношении средства ведения войны по сравнению с существующими в настоящий момент. Есть множество вариантов этого аргумента, которые я подразделяю на два класса: 1) прагматические аргументы, указывающие на неудачи при принятии решений о применении смертельной силы во время вооруженного конфликта и утверждающие, что возможно (гипотетически) усовершенствовать этот процесс посредством автоматизации этих решений²⁶, и 2) аргументы, заключающиеся в том, что поскольку такие системы означают более низкий уровень опасности

26 Ronald C. Arkin, 'Governing lethal behavior: embedding ethics in a hybrid deliberative/reactive robot architecture', Georgia Institute of Technology, Technical Report GUT-GVU-07-11, 2007, p. 11.

для комбатантов и (или) гражданских лиц в целом, если измерять ее людскими потерями, которых будет меньше, значит, существует нравственный императив использовать их. Такие аргументы выдвигались и в отношении точных видов оружия в прошлом²⁷, и позже в отношении беспилотников Predator и применения смертельной силы с дистанционным управлением²⁸.

Являются ли более точные системы оружия более «нравственными», чем менее точные? Достаточно легко утверждать, что при выборе между нападением на военный объект при помощи средств поражения точного наведения, когда уровень риска сопутствующего ущерба довольно низок, и нападением на тот же объект методом бомбардировки по площади, когда риск сопутствующего ущерба или даже уверенность в том, что он будет, достаточно велики, нужно выбрать средства поражения точного наведения. Таков нравственный и правовой выбор при прочих равных. Конечно, выражение «при прочих равных» можно понимать по-разному. Таким образом, совершенно справедливо, что следует предпочесть более точное оружие менее точному при решении вопроса о том, как поразить цель, но оружие не является нравственно не зависимым от этого выбора. И в конце концов, именно человек решает применить оружие, которое считается или не считается нравственным. Даже самое точное оружие может использоваться неправомерно и безнравственно. Все, что дает нам его точность, это возможность выбрать более нравственное поведение, но она не определяет и не гарантирует его.

Это может показаться семантическим аргументом, но он представляет жизненно важное различие. Мы не отказываемся от нашей моральной ответственности, используя более точные технологии. Но, как и в случае с другими автоматизированными системами, такими как система автоматического поддержания скорости или автопилот, мы все же считаем оператора ответственным за систему, которой они управляют, за решение задействовать автоматизированную систему или отключить ее и за правильность этих решений. Действительно, в большинстве случаев эти технологии, как мы наблюдали при использовании средств поражения точного наведения и БПЛА, снаряженных боевой частью, фактически увеличивают нашу моральную ответственность за обеспечение того, чтобы цели были правильно выбраны, а гражданские лица не пострадали. И действительно, по мере того, как наши технологии усложняются, мы должны стремиться к тому, чтобы они способствовали нашему нравственному поведению.

В корне странным представляются заявления, что, полностью исключив человека посредством автоматизации из процесса принятия решения о применении смертельной силы, мы повысим уровень нравственности войны. Риторика этих аргументов заключается в подчеркивании

27 Human Rights Watch, 'International humanitarian law issues in the possible U.S. invasion of Iraq', in *Lancet*, 20 February 2003.

28 Bradley Jay Strawser, 'Moral predators: the duty to employ uninhabited aerial vehicles', in *Journal of Military Ethics*, Vol. 9, No. 4, 2010, pp. 342–368.

нравственного несовершенства человека во время войны, когда действия предпринимаются от отчаяния или из-за страха, ошибки допускаются из-за стресса, напряжения и неясности боевой обстановки. И следующий шаг — это обращение к технологическим решениям, которые помогут устранить такие ошибки. Это может показаться привлекательным, несмотря на то что такой технологии не существует. Здесь упускаются два важнейших момента относительно новых типов автоматике, которые мы наблюдаем. Во-первых, освободив солдата от непосредственных опасностей войны, что и делается посредством телеуправляемых систем без автоматизации решений о применении силы смертельного действия, мы можем устранить значительную часть этого психологического давления и ошибки, которые оно вызывает. Во-вторых, если бы была такая автоматизированная система, которая могла бы лучше человека выполнить задачи по проведению различия или установлению соразмерности, ее можно было бы прекрасно использовать в качестве консультативной системы, которая помогала бы человеку, принимающему решения, предоставляя ему информацию, и совсем не нужно было бы передавать ей полномочия инициировать применение силы смертельного действия независимо от обоснованных решений, принимаемых человеком²⁹.

Аргументы против запрещения автономных систем оружия

В недавнем установочном инструктаже Андерсон и Ваксман высказывают критику в адрес предложений о запрете автономных систем оружия³⁰. Они приходят к выводу, что, хотя важно установить международные нормы в отношении использования автономных систем оружия, запрет не является лучшим способом сделать это. Однако к их аргументации и их выводам возникает множество вопросов. Их основной аргумент основан на двух допущениях:

«Признание неизбежной, но постепенной эволюции этих технологий является ключевым для поисков решения правовых и этических дилемм, связанных с ними; политика США в отношении разрешения этих дилемм должна строиться на этих предположениях. Обязательное, хотя и постепенное развитие и размещение этих систем делает некоторые предложения — например, заключить договор о запрещении — несостоятельными и этически сомнительными»³¹.

Здесь мы видим несколько аргументов, выдвигаемых против предложения о международном договоре, устанавливающем запрет. Во-первых, они исходят из того, что эти технологии неизбежны и что их развитие стабильно,

29 Peter Asaro, 'Modeling the moral user: designing ethical interfaces for tele-operation', in *IEEE Technology & Society*, Vol. 28, No. 1, 2009, pp. 20—24, доступно по адресу: <http://peterasaro.org/writing/Asaro%20Modeling%20Moral%20User.pdf>.

30 K. Anderson and M. C. Waxman, p. 13, см. примечание 3 выше.

31 *Ibid.*, p. 2.

но постепенно ускоряется. И все же они не предлагают никаких свидетельств или аргументов в поддержку каждого из этих допущений, хотя существуют веские причины их отвергнуть. Затем они выдвигают еще один аргумент — о том, что некоторые из этих систем могут иметь гуманитарные преимущества и поэтому запрет будет «несостоятельным» и «этически сомнительным». Объяснив выше, почему не может быть «этически сомнительным» утверждать, что даже самые точные автономные системы оружия угрожают правам человека, я хочу сосредоточить внимание на этих двух предварительных допущениях и на том, что они могут означать в плане целесообразности международных запретов.

Являются ли автономные системы оружия неизбежными?

Почему мы должны предполагать, что автономные системы оружия являются неизбежными? Что это вообще может означать? Как философ и историк науки и технологии я часто встречаюсь с заявлениями относительно «неизбежности» научных открытий или технологических инноваций. Популярность таких заявлений в большой степени обусловлена ретроспективным характером истории и применением нашего понимания технологий прошлого к мыслям о будущем. Иными словами, нам легко, оглядываясь назад, говорить, что изобретение электрической лампочки или телефона или любое другое изобретение было неизбежным, — потому что оно фактически имело место. Трудно вообразить, каким бы был мир, если бы этого не случилось. Однако если внимательно посмотреть на подробности исторического развития, то успех той или иной технологии технологически чаще всего зависел от целого ряда различных факторов. В большинстве случаев принятие технологии не гарантировалось успехом инновации и средства, и способ ее окончательного использования всегда зависел от самых разных социальных и культурных факторов. Действительно, если посмотреть на огромное количество технологических неудач и на все имевшие место неудавшиеся попытки коммерциализировать электрическую лампочку прежде, чем это все-таки удалось, становится ясно, что очень немногие технологии могут справедливо называться «неизбежными». И даже успешная лампа накаливания зависела от инноваций и развития энергосистем общего пользования, как и многие другие электроприборы, такие, например, как гостеры. Технологии развиваются сейчас гораздо более высокими темпами, но все равно остаются динамичными и непредсказуемыми. Возможно, Андерсон и Ваксман имеют в виду высокую вероятность того, что эти технологии будут развиваться. Это кажется более правдоподобным. Действительно, простые системы уже могут выполнять основные элементы автономных систем оружия, хотя они не способны удовлетворить существующие международные правовые стандарты в отношении проведения различия и соразмерности³². Но даже не принимая

32 М. Wagner, pp. 5—9, см. примечание 11 выше.

во внимание существующие правовые ограничения, можно сказать, что сам по себе факт наличия возможности создать автономные технологии, обладающие силой смертельного действия, не означает, что мы будем их использовать. С учетом того, что различные типы автономных систем оружия уже стали возможными, можно сказать, что их внедрение неизбежно. Но исходить из этого — значит игнорировать важные различия между изобретением технологии и ее широким использованием в обществе. Есть, конечно, серьезные причины использовать такие технологии, в том числе желание уменьшить риски для военного персонала, а также снизить затраты и количество людей, необходимых для различных военных операций и создания потенциала.

Более того, Андерсон и Ваксман, возможно, имели в виду, что мы должны исходить из того, что совершенно неизбежно будут автономные системы оружия, которые смогут соответствовать требованиям проводить различие до определенной степени и соблюдать принцип соразмерности. Но это эмпирическое заявление о возможностях технологий, которые еще не существуют, и об измерениях в системе показателей, которая еще не существует. И чисто практический вопрос: эти технологии могут вообще не появиться, и мы, возможно, не сумеем согласовать приемлемую систему показателей для оценки их функционирования, тогда почему мы должны поверить в то, что они неизбежны?³³

Самый важный вопрос заключается в том, могут ли эти технологии удовлетворить требованиям международного права, и ответ далеко не является определенным. Аргументы в пользу этического превосходства солдат-роботов звучат подозрительно схожими с заявлениями, которые делались в те дни, когда только появился искусственный интеллект, с заявлениями о том, что компьютеры в один прекрасный день одержат победу над шахматными гроссмейстерами. И через сорок лет после появления таких предсказаний компьютер Deep Blue компании IBM все-таки сумел победить Гарри Каспарова. Но между шахматами и МГП существуют серьезные различия, о которых стоит помнить. Шахматы — это достаточно четко определенная и основанная на правилах игра, которая поддается компьютерному анализу. Действительно, игра в шахматы не требует толкования и не является корпусом общественных норм. Международное право хотя и имеет правила, не похоже на шахматы. Право всегда требует толкования и здравого смысла для того, чтобы его можно было применять к ситуациям реального мира. Эти толкования и здравый смысл опираются и на исторические прецеденты, и на установленные стандарты, но не жестко определяются ими. Корпус прецедентного права, процедур, аргументов и апелляций может защищать старые принципы или устанавливать новые прецеденты

33 Для сравнения рассмотрим вопрос об электромобилях — о технологии, которая существует уже сто лет. Даже несмотря на популярность, которую недавно приобрели гибридные автомобили, работающие на бензине и на электричестве, и некоторые модели электромобилей, мало кто согласится с тем, что наш переход к ним неизбежен. А это технология, которая уже вполне возможна, то есть она существует.

и тем самым устанавливая нормы и принципы, и эти нормы и принципы могут со временем расширять свое значение.

Таким образом, настаивать на том, что автономные системы оружия неизбежны, довольно опасно. С одной стороны, это предположение автоматически заставило бы установление запрета выглядеть непрактичным и несостоятельным. Иными словами, если исходить из предположения, что запрещенные системы будут существовать и использоваться, тогда зачем их вообще запрещать? Но, конечно, они не существуют и не используются, и даже если уже использовались, они все равно могут быть запрещены к дальнейшему использованию. И, совсем не будучи несостоятельным и непрактичным, запрет мог бы быть очень эффективным для того, чтобы изменить направление траекторий инноваций в сторону более полезных и действительно этических систем. Представляется понятным, что мы можем определить класс автономных систем оружия достаточно четко, а затем дебатировать на тему о том, как договор может применяться к некоторым пограничным случаям, таким как активная броня, противоракетная оборона или системы слежения, или исключать их. Нельзя ожидать, что запрет коснется всех абсолютно случаев использования автоматики во время вооруженных конфликтов, но скорее такой запрет установит международную норму, которая предусмотрит, что незаконно использовать системы, которые автоматически принимают решения о применении смертельной силы. Международные запреты на наземные мины и кассетные боеприпасы, возможно, и не совсем уничтожили мины и кассетные боеприпасы и остановили их применение во время вооруженных конфликтов, но они затруднили их прибыльное производство для производителей и их применение для военных без осуждения со стороны международного сообщества.

Более того, представляется, что, исходя из предположения о неизбежности автономных систем оружия, мы сделаем приемлемость таких систем заранее предрешенным выводом. И все же самый важный вопрос заключается здесь в том, какими будут международные стандарты приемлемости — что международное сообщество будет считать нормами поведения. Исходить из того, что развитие и применение рассматриваемых технологий неизбежно, значит закрывать дальнейшее обсуждение разумности и желательности разработки и использования этих технологий. Коротко говоря, развитие и использование автономных систем оружия не является неизбежным — это относится к любой технологии. Да, они возможны; если бы это было не так, тогда не надо бы было и запрещать их, но их разработка требует все же больших инвестиций. И даже если нам не удастся предотвратить создание определенных технологий, мы всегда сможем ставить вопрос о нравственной и правовой приемлемости их использования. Просто само существование технологии не означает, что ее использование является приемлемым.

Итак, что если автономные системы оружия все-таки постепенно разрабатываются?

Я хочу вернуться ко второму допущению, на котором настаивают Андерсон и Ваксман, а именно к тому, что автономные системы оружия будут стабильно, но постепенно развиваться. Что это допущение должно доказать в их аргументации? Опять же с точки зрения технологического развития все технологии развиваются в некотором смысле таким образом. Почему это должно изменить то, как мы относимся к последствиям их применения в нравственном и правовом отношении? Может быть, Андерсон и Ваксман просто пытаются предупредить опасение, что солдаты будут заменены роботами методом какого-то огромного технологического прыжка? По мере знакомства с их аргументацией становится ясно, что они имеют в виду, что переход к автономным системам оружия произойдет приращением посредством «крохотных шажков», каждый из которых будет тщательно продуман и проверен. Это довольно изобретательная замена аргумента о скользком пути. Вместо того чтобы утверждать, что эти технологии опасны, поскольку призывают нас передавать все больше и больше власти автоматизированным системам, что в конце концов приведет к тому, что автоматизированные системы получают незаконное, но фактически существующее полномочие превращать людей в объекты нападения и убивать их, здесь утверждается, что такие системы будут легитимными, потому что каждый шаг на этом пути представляется приемлемым. Как представляется, все это подводит к тому, что мы должны согласиться с конечным результатом подобной цепочки умозаключений, потому что мы смогли прийти к нему путем морального приспособления небольшими шагами, каждый из которых сам по себе не кажется слишком страшным.

Было бы более разумно рассматривать это как скользкий путь, пойдя по которому мы скатимся к результату, который считаем неприемлемым. Это должно заставить нас более внимательно установить основополагающий принцип, опираясь на который можно остановить опасное сползание к нежелательному выводу. И действительно, есть принципиальная граница, которую мы можем провести в отношении автономных систем оружия. Необходимо установить, что если речь идет о любой системе, способной инициировать применение смертельной силы, то в принятии решения о применении силы смертельного действия в каждом конкретном случае обязательно должен участвовать человек. И хотя эта граница может быть размыта при помощи различных технологических систем совместного управления или диспетчерского телеуправления, мы могли бы разработать эти системы таким образом, чтобы сделать эту границу более четкой, а решения более обоснованными и продуманными³⁴.

34 Р. Asaro, pp. 20—24, см. примечание 29 выше.

О необходимости установления норм

Выводы, которые Андерсон и Ваксман делают, не являются правильными в отношении последствий запрета на автономные системы оружия, но они правы, говоря о значении установления норм, касающихся их использования и необходимости некоторых ограничений:

«Однако Соединенные Штаты должны действовать до того, как международное сообщество консолидируется в поддержку тех, кто считает, что эти технологии должны подлежать нереалистичному, неэффективному или даже опасному запрету, или тех, кто предпочел бы небольшие ограничения или вообще их отсутствие»³⁵.

Они признают, что этими технологиями открывается новое нравственное пространство и еще не решено, что же будет принято международным сообществом в качестве новых норм ведения войны в век роботизации и автоматизации. Они также правы в том, что США, будучи супердержавой и лидером в разработке многих из этих новых технологий, имеют уникальную возможность установить прецеденты и нормы, которые сформируют будущее вооруженных конфликтов. Что более очевидно, Андерсон и Ваксман не показали, почему запрет на автономные системы оружия является нереалистичным, и не представили никаких доказательств того, что он был бы неэффективным или безнравственным. Давайте рассмотрим каждое из этих заявлений по отдельности.

Как можно понять утверждение, что запрет на автономные системы оружия будет нереалистичным? Не означает ли это, что такой запрет будет трудно выполнить в практическом отношении? Все договоры, касающиеся контроля над вооружениями, создают определенные проблемы в ходе их выполнения, а выполнение запрета на автономные системы оружия не окажется исключительно трудным или менее трудным, чем в случае с другими договорами, следовательно, это не является нереалистичным. Может быть, имеется в виду, что в политическом отношении будет трудно заручиться поддержкой в пользу такого запрета? По своему собственному опыту я знаю, что есть очень много людей, особенно среди офицеров и тех, кто определяет политику, а также среди конструкторов и ответственных лиц в оборонной промышленности, которые поддержат такой запрет. Более того, общаясь с широким кругом лиц, я с полной очевидностью понял, что в нравственном отношении существуют сильные опасения, связанные с автоматическими системами оружия и с опасностью, которую они собой представляют. По крайней мере, запрет не является нереалистичным в том смысле, что он, вполне вероятно, найдет широкую общественную и официальную поддержку.

Действительно, единственной причиной счесть такой запрет нереалистичным может стать наше согласие с ничем не оправданным допущением

35 К. Anderson and M. C. Waxman, p. 2, см. примечание 3 выше.

Андерсона и Ваксмана, что эти системы являются неизбежными. Если мы примем это в качестве предопределенного вывода, тогда попытки остановить неизбежное действительно представляются нереалистичными. Но нет ничего неизбежного в том, что касается новой технологии, возможности которой еще не определены и нормы в отношении которой еще не установлены.

Андерсон и Ваксман предполагают, что будут возражения против автономных систем оружия на основании нравственного принципа:

«Вторым возражением является нравственное, в силу которого просто неправильно *per se* полностью изымать человека с его нравственностью из системы управления. Машина, как бы она ни была хороша, не может полностью заменить наличие этического элемента в виде человека, обладающего совестью и способностью нравственной оценки (даже если и ошибочной, как это бывает у людей). В этом отношении название данного эссе является преднамеренно провокационным, объединяя понятия “робот” и “солдат”, потому что в случае этого возражения это именно то, чего никогда нельзя делать.

С этим аргументом трудно спорить, поскольку он опирается на нравственный принцип, с которым мы либо согласны, либо нет»³⁶.

Возражение, о котором они говорят, исходит из того, что, как предполагается, является неким отдельно стоящим принципом³⁷. Поэтому они считают, что нет причин соглашаться с ним, если не считать своей собственной нравственной интуиции. Я утверждаю, что представленные выше в настоящей статье аргументы продемонстрировали, что нравственный принцип, на основании которого отвергаются автономные системы оружия, фактически присутствует имплицитно в МГП в виде его различных антропоцентрических формулировок и требований. Более того, он подразумевается самой структурой права, процессами правосудия и, в частности, соответствующим образом учрежденным судом. Нам требуется присутствие человека в качестве представителя права помимо того, что он должен быть нравственным.

И дело не просто в том, что решение убивать является тяжелым, хотя так оно и есть. Решение убить человека может быть легитимным, только если оно не является произвольным, и невозможно гарантировать, что применение силы не будет произвольным без контроля со стороны человека и без его ответственности. Поэтому безнравственно убивать, если решение принято без учета здравого смысла человека, его суждения и сострадания. Это должно быть незаконным.

³⁶ *Ibid.*, p. 11.

³⁷ M. Bolton, T. Nash and R. Moyes, см. примечание 11 выше.

Заключение

С тем чтобы сохранить человеческую нравственность, достоинство и чувство справедливости, чтобы остаться в рамках права, мы не можем согласиться с тем, чтобы автоматизированные системы принимали решения о лишении человека жизни. Добиться этого мы можем, запретив автономные системы оружия. Если речь идет об убийстве, каждый конкретный случай заслуживает внимания со стороны человека и его рассмотрения в свете того нравственного бремени, которое присуще действиям, связанным с лишением людей жизни.

По мере своего развития технологии предоставляют человечеству больше власти над миром. При этом возрастает и уровень его ответственности. И хотя это представляется очевидным в отношении технологий, которые воздействуют на благополучие человека и сохранность окружающей среды, это справедливо и в отношении военных технологий. Хотя разработка современных военных технологий не обязательно означает, что они будут или могут применяться более осторожно и нравственно, такая возможность существует. Но новые возможности имеют и потенциал регресса (движения назад) с точки зрения этики и морали, а не движения вперед (прогресса). В конечном итоге характер нашего нравственного развития в деле ведения войны имеет более глубокую зависимость от нашей технологии, чем просто возможность комбатантов вести войны с меньшими потерями, и выходит за рамки требований МГП и МППЧ. При выборе оружия и тактики, применяя которые мы ведем вооруженный конфликт мы делаем и нравственный выбор относительно того мира, в котором мы хотим жить и за который готовы сражаться, и легитимных условий, в соответствии с которыми мы можем создать этот мир. Принимая такие решения мы должны противостоять аргументам, в силу которых любая цель является либо настолько желательной, либо нежелательной, что любые средства ее достижения оказываются приемлемыми. Кроме того, мы должны признать, что средства, при помощи которых мы изменяем мир или сопротивляемся изменениям, становятся аспектом этого мира. Если мы действительно хотим построить будущее, в котором вооруженные конфликты станут как излишними, так и неприемлемыми, мы должны достичь этого посредством процесса, который повышает наши нравственные стандарты с каждой новой технологической инновацией, а не снижает уровень этих стандартов.

Международное сообщество должно начать обсуждение договора о запрещении автономных систем оружия. Поскольку таких систем пока еще не существует, этот запрет поможет сконцентрировать внимание на разработке будущих военных технологий, которые будут не этими так называемыми этическими системами, но системами, которые могут действительно сделать поведение человека более нравственным во время вооруженных конфликтов. Критики такого запрета основывают свою позицию на ничем не подтверждаемых заявлениях относительно неизбежности

таких технологий и ошибочных заявлениях о более нравственных технологиях. До тех пор пока их потенциальные возможности не определены, эти технологии появляются в динамичном поле этических и правовых норм. Хотя нам, возможно, нравится доверять обещанию, что войны станут более нравственными благодаря гипотетическим автономным системам оружия, реальность такова, что они могут снизить наши стандарты этического поведения и в погоне за невероятными технологиями, которые угрожают подорвать наши права человека на основополагающем уровне, отвлечь нас от развития технологий, которые сделают более нравственными убеждения и мысли человека. Это может отвлечь нас и от совершенствования МГП и МППЧ, чтобы они могли должным образом и на нравственных основаниях рассматривать вопрос об использовании подобных новых технологий.